

Русский эмигрант М.П., последний раз был на родине несколько дней в 1916 году, года выздоравливал от пулевого ранения, полученного на фронте. И вот ему представился случай навестить родину на американском корабле во время Второй мировой войны. Вот его рассказ.

Во время стоянки в Архангельске судов, привозивших в СССР помощь по ленд-лизу, я увидел, что жизнь в СССР держится за счет неустанного труда русских женщин. Коммунистическая партия обещала РАВНОПРАВИЕ, и женщины получили то, что обещала партия. Рыбная ловля, обслуживание пароходов, пассажирских и грузовых, работа в ресторанах, строительство, лесоповал, прокладка железных дорог, перенос шпал, земляные работы, дробление камней для шоссейных дорог и т.д. — всё делалось женскими руками. Я не видел ни одного мужчины на чёрной работе. Они сидели в конторах, попивали кофе и водку, иногда приходили на пристань проверить, как работают женщины, и опять шли пить водку, да точить зубы. Они охраняли, следили за рабочими — женщинами и бесконечно курили, пили пиво и водку.

Я увидел серый, угрюмый, грязный город, который когда-то был красавцем русского Севера, морскими воротами богатой и мощной Российской Империи. Грязь, мусор, ободранные и обвалившиеся дома, облезшая краска и большие не засыпанные ямы на улицах, сгорбленные серые фигуры жителей, убегающие от меня, как от чумного — это то, что увидел я в первый же день. В такие морозные дни, когда температура была минус 25°C, не было канализации, не было горячей воды в домах и не было воды. Жители растапливали снег и кипятили чай. Вместо бани (раньше до революции почти при каждом доме была своя маленькая баня), жители наполняют ведро водой, кипятят ее на примусе и обмываются. И это еще показательный город, в котором было разрешено пребывать иностранцам. Еще хуже было в других городах СССР.

Необходимо сказать, что американским матросам и офицерам, да и другим лицам — иностранцам было строго запрещено самим ходить в город. Нам, иностранцам, был предоставлен определённый район около пристани. Недалеко была кантина (гостиная для нас), куда мы могли ходить отдыхать. Интересно, что за каждой женщиной, с которой можно было танцевать и разговаривать, следило НКВД. Если разговор с женщиной затягивался, чекист подавал знак заговорившейся немедленно менять партнера. Тоже самое и на пароходах: те, кто разгружал товары, находились под постоянным надзором.

Я оказался единственным русским американцем в нашем конвое и экипаже. В разговорах с местными коммунистами я часто слышал, что скоро, дескать, СССР перегонит Америку и будет контролировать весь мир. Но печальная реальность была так очевидна, что этих хвастунов даже становилось жалко. Больные, серые лица, плохо одетые, боящиеся говорить люди, напоминали жителей из доисторических катакомб. И это было на Севере, который прежде всегда славился красавцами, высокорослыми свободными поморами, не знавшими крепостного права, сильными, светловолосыми женщинами, которые наряжались по праздникам в одежду царской красоты, с золотым шитьем и жемчугом!

Конвой и грузовые суда были встречены в Белом море советским крейсером-патрулём, который сопровождал его до Архангельской бухты. На подступах к пристани подошла советская лоцманская лодка, лоцман взошел на палубу баржи, где находился я, и на плохом английском языке подал команду нашему рулевому, то есть мне. Поясняю, что перед тем, как советский лоцман-офицер взошел на палубу, наш капитан приказал мне стать у руля, так как я одинаково хорошо знаю английский и русский. Советский лоцман был очень удивлен, когда его команда была повторена на чистом русском языке и затем на английском. Он спросил меня: «Как так может быть на американском конвое — русский лоцман?» Я ответил, что я русский американец.

— А! Так вы один из тех эмигрантов-белых, кто воевал в гражданскую войну?

— Да, я воевал против тех, кто незаконно разграбил Российское государство. Я эмигрировал в Америку, но теперь привёз оружие и продукты кормить народ, который воюет против нашего общего врага.

Советский лоцман замолчал, отошёл от меня и стал смотреть в сторону, откуда могла показаться неприятельская подводная лодка. После некоторого молчания советский лоцман подошел ко мне и спросил:

— Вы в первый раз в этой гавани или бывали здесь раньше?

— Нет, я не был здесь, это мой первый приезд.

— Хорошо — сказал советский лоцман, — Вы должны посмотреть ПАРК, знаменитый ПАРК.

— Я бы хотел посмотреть город.

— Может быть. Но вы должны посмотреть эту часть парка — Памятник.

— Почему вы настаиваете на том, чтобы я посмотрел именно памятник? — возразил я.

— Вы должны посмотреть этот парк и этот памятник, который наше правительство СССР воздвигло своим героям, погибшим в гражданскую войну. Это наша гордость. Вы должны посмотреть его. «Вы должны» лоцман повторил несколько раз.

— Хорошо, я посмотрю — говорю я, — Раз вы рекомендуете, значит это интересно.

— Да, это прекрасный памятник. Вы должны посмотреть. Мы ценим наших героев.

— Он большой, этот парк?

— Да, — ответил советский лоцман, — Этот парк очень большой. Но почему вы спрашиваете?

— Я спросил потому, что надеюсь, что в этом парке будет достаточно места, чтобы воздвигнуть еще один памятник — всем тем, кто был расстрелян, замучен, сослан

невинно в концентрационные лагеря коммунистами — масонами.

Лицо советского лоцмана побледнело. Он стал озираться по сторонам, потом повернулся и медленно отошел от меня на другую сторону мостика. После этого он все время молчал, разговоров больше не было, только команды, как рулевому.

Через некоторое время мы причалили к пристани. Я сошел с мостика и закурил, держа пачку американских сигарет в руке. Советский лоцман проходил мимо, остановился и начал курить свою самодельную папиросу. Я предложил ему свою. Он оглянулся на все четыре стороны и только тогда решился взять мою. Я дал ему еще целую пачку.

Тихим голосом он сказал:

— Да вы правы. Но у нас народ боится думать. говорить, что хочется, все должны только выполнять запланированное свыше. Вскоре он оставил наш пароход и, когда уходил, потихоньку помахал рукой.

Несколько дней позже я с одним нашим матросом-американцем пошел все же в парк посмотреть памятник. Было очень холодно — минус 20С. Памятник оказался огромным — такая большая пропаганда! Мой спутник заметил, что проходящие мимо мужчины и женщины, были очень плохо и бедно одеты в такой мороз. Хорошо, еще, что не было ветра. Еще он заметил: странно, такой громадный и дорогой памятник, а люди почти раздеты — ходят в отрепьях в такой холод.

Мы разговаривали по английски и прохожие поглядывали на нас с опаской, и, проходя мимо, ускоряли шаг. Какая-то пара остановилась вблизи нас, и мужчина заметил женщине: «Любуются на это чудовище, посмотрели бы они на Соловки». Заметив мой взгляд, они ушли. Мой приятель спросил меня, что такое Соловки? Когда я сказал ему, что такое при советской власти Соловки, он стал мрачен. Его насмешливое настроение пропало. Мы прошли несколько кварталов и видели грязные, с облезшей краской, дома. Они выглядели также бедно, как и народ, кроме офицеров и охранников. Пройдя несколько кварталов, мы попали на толкучку. Но это была не старая русская толкучка с лотками, ломящимися от товара, когда глаза разбегаются и на сердце становится весело от одного вида краснощеких торговцев, выкрикивающих что-то задорное.

Это «черный базар». Все товары находятся в руках или подмышкой. Покупатель подходит, тихо торгуется и все время смотрит, как бы милиция не заметила. Увидит — арестует и наказание ожидает вплоть до концентрационного лагеря. Мой спутник заметил сапоги, подошёл и спросил цену. Ответ был — одна тысяча рублей. В то время один рубль был официально равен 50 центам, значит 500 долларов! 500 долларов за поношенные сапоги? Это невозможно!..

Мы пошли дальше и узнали, что доллар стоит 65 рублей. Значит, сапоги продавались за 15 долларов. Гуляя, мы подошли к обувному магазину. Зашли и попросили показать нам обувь. В этом магазине новые сапоги стоили всего 40 рублей. Мой спутник хотел купить две пары сапог, попросил продавщицу их завернуть. Но продавщица потребовала карточку союза. Мой компаньон, конечно, никакой карточки не имел. Так мы узнали, что этот магазин только для членов профсоюза. Увы, у нас не было профсоюзных карточек.

Нашу баржу разгружали военнопленные, арестанты, осужденные на пять и больше лет, ими руководили специалисты. Все они находились под зорким глазом стражи НКВД. Мы, если верить коммунистической пропаганде, находились в самой свободной стране мира. Но почему, если мы обращались к рабочему, он отходил от нас, а за него отвечал стражник с вопросом «Чем могу помочь?» с улыбкой на ширококулом лице. Все рабочие вели себя очень странно, они не разговаривали и при всяком вопросе бледнели, и молча отходили от нас, как от чумных.

На следующий день мороз усилился. Холодный ветер пронизывал до костей. А рабочие по-прежнему были плохо одеты. Мимо меня прошла женщина лет 50-ти в легкой ситцевой кофточке. Я пошёл к себе в каюту, взял тёплую фуфайку, вышел на палубу. Увидев эту женщину, я протянул ей фуфайку со словами «возьмите». Я услышал в ответ «НЕТ» и она быстро пошла дальше к назначенному месту работы. Я пошел к стражнику и сказал, что там женщина работает, она плохо одета, а ведь сейчас очень холодно и ветрено, и я хочу дать ей вот эту теплую фуфайку. Он разрешил и, когда она проходила, я снова протянул ей фуфайку. Опять услышал «НЕТ, НЕТ»... Тут подошёл стражник и сказал ей «Женщина бери, всё в порядке, бери.» Она взяла и быстро скрылась за горою коробок.

В Архангельске я видел женщин, исполняющих все тяжелые работы. Мужчины были все тепло одеты (это относится к страже). Они покуривали, пили водку или чай, сидели в конторе и зорко наблюдали.

Наш пароход-баржа в пути был поврежден торпедой. К счастью, повреждение оказалось небольшим, никто не был ранен. Мы достигли Архангельска благополучно. Для ремонта были присланы советские рабочие. Капитан нашего парохода просил меня быть переводчиком, потому что никто из советских не говорил по-английски. Я угостил рабочих сигаретами, и они сразу дружески заговорили со мной. Они сообщили мне, что они с Украины, и я на малороссийском языке свободно разговорился с ними. Они рассказали мне о своём житье-бытье. Я спросил их, почему они держатся как-то неестественно странно, когда мимо проходят работники НКВД. «С волками жить — по волчьи выть», — был их ответ. Наш разговор был очень дружелюбный, и они пригласили меня позавтракать в их столовую. Я согласился. Мне было интересно посмотреть их столовую. И я пошел с ними.

Столовая оказалась большой комнатой в бараке. Много столов без скатертей стояло посередине и у стен. Когда мы сели за стол, к нам подошла женщина и спросила, что мы будем есть, — сегодня в меню суп, рыба вареная или жареная, и мороженое. Она принесла каждому нож, вилку и ложку, и спросила рабочих карточки. Один из рабочих сказал, что я их гость, и что у меня нет карточки. Ответ был прост:

«Нет карточки — нет завтрака». Один из них спросил, где заведующий и пошёл к нему. После разговора с заведующим он вернулся сконфуженный. Я поблагодарил рабочих и спросил служащую, могу ли я купить чашку чая и какую-нибудь булочку. Она принесла чашку чая и венскую булочку, взяв с меня 36 рублей (50 центов).

Я заплатил, а мои компаньоны получили рыбный суп, жареную рыбу и вареную картошку, мороженое и никакой зелени. Они ничего не платили. Наш завтрак прошел спокойно. Мы вернулись на пароход, и рабочие продолжили его починку.

Я заметил, что недалеко от нашего парохода причалило небольшое судно, только что вернувшееся с рыбной ловли. К моему удивлению, вся команда рыболовов состояла из молодых женщин, а я ожидал увидеть бородатых, могучих мужчин.

Рыболовы-женщины пригласили меня посмотреть их рыболовное судно. Я взошел на палубу, потом попал в каюту, где меня попотчевали чашкой чая. Капитан судна извинилась, что к чаю ничего нет. Нужно заметить, что все судно блестело, как

картинка. Капитанша сказала, что когда они в плавании, то у них остается много свободного времени ухаживать за «малюткой». Конечно, когда я разговаривал с рыбаками, всегда присутствовал стражник.

В городе я побывал в библиотеке, где мне разрешили посмотреть некоторые книги. Там мне дали в руки книгу об отце народов Сталине. Книга была новая, с еще неразрезанными листами. Потом я увидел полки, заполненные книгами Ленина, Сталина и прочих красных мудрецов. Творения отцов народов занимали две стены, третью стену занимала общеполитическая коммунистическая литература. Возле четвертой стены на книжных полках лежали потрепанные журналы и книги. Очевидно, что это была не пропаганда, а кое-какие рассказы из жизни советских людей и книги.

Один из учителей, находившийся в библиотеке, когда рядом не было свидетелей, сказал мне, что наша советская школа самая ужасная, однобокая и опасная. Мы не должны думать, мы должны только исполнять. Думать запрещено...

Однажды советский капитан-лоцман пригласил меня быть переводчиком при посещении нашего парохода видными советскими представителями. Я быстро переводил. Все были довольны. В результате, у меня завязался разговор с видным советским лицом — товарищем К. и он пригласил меня к себе на обед.

На следующий день К. подъехал к пароходу, я сел в его машину и через несколько минут мы подъехали к его дому. Квартира состояла из трех комнат и кухни. Здесь жил К., его жена, сын и дочь. Хозяйка была очень любезна и внимательна, она познакомила меня с дочерью и сыном. Хозяйка очень интересовалась жизнью в Америке, стоимостью продуктов питания, одеждой, заработком рабочего и специалиста. Действительно ли всё доступно, всё свободно. Она заметила, что советский рабочий не платит ничего — платит его рабочая карточка.

Еще она спросила, правда ли, что все профессиональные союзы в Америке находятся под контролем коммунистов. Я сказал, что профсоюзы совершенно свободны от каких бы то ни было политических партий, то есть член, скажем, автомобильного союза, может быть и членом коммунистической или социалистической партии, но союз рабочих может быть только союзом профессионалов. О стоимости одежды или обуви я рассказал, что вот эти ботинки, которые я ношу, стоят пять долларов, а простой рабочий зарабатывает в день 10 долларов и больше.

Но вы получаете деньги на руки? — спросила она.

— Да, я получаю на руки, — ответил я и показал им мои сто с чем-то долларов в кошельке. Она улыбалась и не верила.

На следующий день К. пришёл на пароход и с ним был какой-то важный коммунист. Меня опять просили быть переводчиком. Между деловыми разговорами

С. спросил меня, заметил ли я какие-нибудь изменения в стране после революции. Я вежливо ответил, что еще не видел города.

Если вы что-нибудь покажете мне в городе, то перед отплытием я скажу вам моё впечатление, — добавил я.

Г-н К. ответил, что я могу свободно ходить по городу, меня никто не тронет— он отдаст соответствующее распоряжение. Я поблагодарил К.

Я посетил школу, видел 15-летних детей, очень плохо одетых и бледных. Недостаток хорошей пищи сказывается на молодом поколении. Мы оставили школу, К. отвёз меня на пароход.

Приблизительно в шесть вечера К. приехал за мной и повёз меня обедать. Со клада я взял с собой две коробки шоколада, большую коробку тянучки (жвачки) — детям этого хватит, наверное, на полгода. Еще взял коробку бумаги для лица (тиссу ойпер) и бутылку коньяка для нас. Его жена никогда не видела бумаги для лица, и я объяснил, как ею пользоваться. Дети очень обрадовались тянучке, мы воздали должное коньяку.

Дети спрашивали К, почему у нас в стране нет таких замечательных платочков?

К., подумав, ответил: — Потому что война не позволяет.

Во время обеда много говорили о продуктах в советской стране и в Америке. Обед по американским понятиям был бедным, дешёвым. Но я сердечно поблагодарил хозяйшку и К. отвёз меня на пароход.

На следующий день К. заехал за мной и сказал, что может показать город. По пути, не доезжая до города, я увидел пустырь и вдали ограду с колючей проволокой, за оградой стоял человек и неистово кричал: «Помогите, дайте хлеба, хле-е-е-ба-а-а! Мы мёрзнем...» К. сказал, что дальше находится концентрационный лагерь. Ужас ... 36 радусов ниже нуля, мороз при сильном ветре и человек в какой-то порванной убашке кричал о помощи... В Императорской России Красный Крест имел свободный доступ во все тюрьмы. Император христосовался с арестантами и дарил им красное яичко, а ЗДЕСЬ?!

На следующий день второе рыболовное судно причалило к пристани. Как и на первом, рыболовы — только женщины. Женщины работают, а мужчины едят и пьют одку. Вот вам и коммунистический рай, распределение труда. Одни работают, а другие охраняют.

Женщины — рыболовы с виду были 20 — 25-ти летними. Их лица были обветрены, грубы, они почернели от солнечного ветреного загара. Руки корявые, тёмные. Эти женщины скрывали свою женственность. Они выглядели жестокими. Но когда я подарил им губную помаду и конфеты, мгновенно помада появилась на их губах, и открылась какая-то женственность. Сразу проявился женский инстинкт. Они с удовольствием лакомились конфетами. Природу не скроешь.

Рыба мерзла сразу, как только попадала на свежий воздух. Контакторы забирали рыбу и сразу отправляли по назначению в города и на консервные заводы.

На следующее утро я с моим другом американцем, матросом, пошел в Международный клуб — кантину. Мой партнер хотел поговорить с советской женщиной. Клуб находился в большом бараче. Он был заполнен матросами с других пароходов. Девушек для танцев

было около 30. Клуб состоял из нескольких комнат: танцевальный зал, комната для шахмат, шашек, игорных карт, бильярдная комната и бар, где продавалось пиво, и еще одна комната, где подавали чай и закуски.

Я пробыл несколько часов в клубе, помогая нашим матросам понять русских женщин. Из них ни одна не говорила по-английски. Я действовал, как переводчик.

В 10 часов вечера я пошёл домой, то есть на пароход. Одет я был тепло. Мороз жёг щеки, ночь была ясная, светлая, звездная. Снег приятно хрустел под ногами. Вокруг царил божественная тишина. Я задумался, как вдруг почувствовал, что кто-то стоит около меня, и нежный женский голос тихо прозвучал в тишине: «Почему вы так рано ушли? Вы одиноки и скучаете?»

— Я не танцую, чувствую себя уставшим, иду на пароход, хочу отдохнуть. А почему вы так рано ушли? — ответил я.

— Каждая из нас имеет определённые часы работы, которые мы должны выполнить. Сегодня я свободна, завтра другая. Это не удовольствие, а обязанность. Какое удовольствие проводить время с человеком, не говорящим по-русски, да и я не говорю по-английски. Сначала ещё терпишь, потом все думаешь, когда же кончится это мучение. Но власти следит за нашей работой и мы должны выполнять возложенное на нас задание — иностранные моряки не должны скучать. Так, разговаривая, мы дошли до перекрестка, я сказал, что мне нужно идти направо и пожелал ей спокойной ночи.

«Знаете что мне пришло в голову», — сказала она, — «Пойдёмте ко мне, здесь недалеко. Вы отдохнёте, а я приготовлю чай. Посидим, поговорим, так хочется рассказать вам многое, то, что не могу говорить своим, а вы унесёте всё с собой». Я с удовольствием принял ее приглашение, и мы свернули налево. Пройдя немного, она сказала — «Это мой дом». Это была избушка даже не на курьих ножках. Это был барак.

Мы вошли в дом, и она провела меня в свою комнату. В её комнате был такой же холод, как и на дворе, с той лишь разницей, что не было ветра, и не хрустел снег под ногами. Она зажгла керосиновую лампу, взяла ведро, вышла из комнаты, набрала снега, принесла и поставила на печку, зажгла печку и через несколько минут комната

потеплела. Она предложила снять мою матросскую куртку, что я и сделал. Её комната и образ жизни невольно напомнили мне жизнь колонистов 17-18 столетий в дебрях Северной Америки, но ведь я был в городе с населением в 300 тысяч, и на дворе почти середина 20-го столетия.

Снег в ведре растаял. Она налила в чайник воду, поставила на печку и вскоре вода закипела, оставалось сервировать чай.

Комната была очень маленькая. В ней стояли один стул, деревянная скамейка, нечто вроде кушетки и несколько коробок, покрытых дешёвой материей.

На столе стояла фотография молодого человека. Заметив мой интерес, она сказала, что это её муж. Он служит в армии и она не получала от него писем вот уже больше шести месяцев.

Я сказал, что надеюсь, что он жив и что скоро она услышит о нём.

К чаю, который она сервировала в кружках, она положила на стол несколько кусков сахара и пару ложек. Она сказала, что вышла замуж за него не так давно — перед войной. Вскоре после свадьбы он был мобилизован. Уже больше года, как он на войне.

Странно, когда она говорила о муже, я не заметил в её голосе печали. Она была очень спокойна. Я спросил, любила ли она его. Ответ был: «Да я люблю его. Я привыкла к нему. В наши молодые годы, — продолжала она, — мы имели много свободы. Так нельзя, говорила мне моя мать, но я, да и мы все, потеряли наши головы и делали то, что говорила партия. Одно только мы не знали тогда, как сохранить себя. Он сейчас в армии и волен делать то, что хочет, я говорю относительно нашей жизни. Я тоже могу делать то, что хочу. У нас нет того, что называется ревностью. Я думаю, у нас нет ее. Она уничтожена ещё в те времена, когда мы были подростками. Так нас учили в школе. И я была исправный, хороший, послушный член комсомола».

Речь ее была похожей на исповедь. Слушая её, я задал вопрос: «Если вы член

комсомола, почему и зачем вы пригласили меня в ваш дом? Вы знаете, что я из противоположного мира, что я ненавижу коммунизм».

— «Почему я вас пригласила? — повторила она, — потому что мы, как и все люди, верим тому, что нам говорят. Говорят, ЧТО ВЫ — НАШИ ВРАГИ. С раннего детства и теперь мы слышим только одно: мир капиталистов — это мир наших врагов, они думают только о том, чтобы уничтожить нас и нашу страну, СССР. Мы привыкли к этому, как привыкли к хлебу и к воде. Мы верим в это без размышления, мы приняли это как действительность, как факт. Вы, капиталисты, — наши враги, но теперь это всё уничтожила война. Да, война уничтожила, я говорю не о физическом разрушении, как немцы разрушают наше государство, опустошают нашу землю. Это физическое разрушение создаёт только большее сопротивление. Сейчас уничтожено что-то большее — уничтожена наша СИСТЕМА, наша повседневная жизнь, наша вера в правоту нашего учения, идеологию.

Я хочу объяснить, что в течение всей моей жизни, с пелёнок, я привыкла верить и верила, что вы, «БЕЛЫЕ» — наши враги, наши злейшие враги. Но началась война, в которой фашисты показали себя хуже, чем дикие звери. И в эти критические минуты капиталисты — вроде бы злейший враг, пришли на помощь нам. Это невозможно воспринять. Но я вижу это своими глазами, и никто не может утверждать противоположное. Мои глаза видят это, и я ем хлеб врагов. И эти капиталисты кормят нас и снабжают нас всем тем, чем можно победить настоящего врага. Эти капиталисты снабжают нас и пищей, и вооружением. С пелёнок мы только и слышали, что грядёт мировая революция, что у капиталистов безработица, голод, что народ на Западе поднимается против капиталистов. И вдруг эти самые капиталисты посылают нам орудия, танки, муку, молоко. Они кормят наших детей, кормят и одевают нашу армию. Это значит, что капиталисты производят всего так много, что без затруднений могут снабжать наш 200-миллионный народ. Это значит, что всё учение и вера моей жизни — ничто другое, как ужасная ложь. Мы всегда верим лжи. Это наша трагедия. О, ужас, и это жизнь!?»

Она не закончила. Её исповедь продолжалась. Она опустила голову и задумалась. Потом подошла к печке и положила несколько щепок в неё. Она повернулась ко мне и, ласково улыбнувшись, спросила: «Что ответит контрреволюционер? Вы, наверное, ненавидите нас, и всё время замышляете что-то, чтобы разрушить, уничтожить нас. Но, почему вы рискуете вашей жизнью, доставляя нам всё необходимое, невзирая на опасность от немецких подлодок и самолётов? Если бы вы были такими кровожадными, как нас учат в школах, то вы не помогали бы нам. Что же это такое, о, ужас, какая ложь!»

Я сказал ей, что у нас общий враг, но я, как американец и эмигрант, поступивший на военную службу, дал слово не вести пропаганду в СССР. Я исполняю свои обязанности и привожу то, что вам нужно ВАМ, а ВЫ для меня — это русский народ.

Она опять начала говорить: «Действительно, я комсомолка. Война началась и меня послали сюда. Я увидела здесь настоящую жизнь. Я должна доносить всё, что вижу и слышу. Моя голова идет кругом. Однажды я видела доклад о лагере на Соловках. Очень много людей умирает там, условия ужасны. Многие из арестантов заслуживают освобождения. Многие невинны, многие могли быть использованы для службы в армии. Многие могли бы быть посланы сюда на работу вместо этих бедных женщин. Даже многие партийцы ропщут против этих крайностей коммунистического режима. Скажите мне, американские профсоюзы состоят из коммунистов? Иначе сказать, только коммунисты могут быть членами профсоюзов?»

Я сказал, что американские профсоюзы вне политики. Членом профсоюза может быть каждый, кто профессионально отвечает требованиям профсоюза. Все союзы всех профессий контролируются штатным и федеральным правительством.

Слушая её речь, как исповедь, я испытывал недоумение. Разбираясь в трагедии этой женщины, я не забывал, что хорошенькие женщины нередко находились на службе НКВД. Поэтому я ничего больше не сказал, так как не хотел, чтобы меня обвинили в нарушении договоренностей и пропаганде.

Она опять заговорила: «Не нужно, не говорите больше. Я понимаю вас, бояться меня нечего. Мой отец был ярый коммунист. Он участвовал в гражданской войне. Он строил, как он думал, новый мир. После войны работал, и всё больше и больше разочаровывался в коммунизме, его потрясли аресты мужчин, женщин, даже детей, невинных детей ... Он стал религиозным и даже учил меня молитвам. Я потеряла его, о чем глубоко сожалею. Отец говорил мне, что во время гражданской войны он видел, как коммунисты расстреливали всех мужчин, женщин, и даже детей. Это делалось по приказанию Троцкого. Уничтожали церковных служителей и даже их семьи...

Я пыталась устроиться на работу в больших городах, в центре СССР, а оказалась здесь, вблизи Соловецких лагерей. Мне так страшно жить. Мы живем в холоде и голоде. Многие из молодёжи и нижних чинов думают то же самое, что и я.»

Я смотрел на неё и думал, что она совсем не похожа на секретного агента, но все же молчал.

Она продолжала. «Мы, партийцы и комсомольцы, знаем, что творится на Соловках и что такое ГУЛАГ. В Соловках не преступники. Но мы — маленькие пешки и не можем изменить систему. Компартия хочет взять от вас всё, быть сильной и после войны напасть на вас. Она хочет дважды использовать вас и дважды обмануть вас. Компартия старается уничтожить всех активных и пассивных противников. Она бессердечна и немилосердна. Америка никогда не думала о двойной лжи и никогда не предполагала сотрудничать и помогать лжецам. Наша партия обещает и лжёт, лжет и обещает. Нет в мире таких лжецов, как в верхушке компартии. Те, кто помогали теперешним правителям достигнуть вершины — все теперь уничтожены ими. Мы знаем это и, поверьте мне, вас обманут дважды.

Не удивляйтесь тому, что я говорю. После смерти Ленина новые руководители запретили нам проявлять инициативу. Мы не должны думать. За кражи, убийства, мошенничество — наказание от 5 до 10 лет. За проступки против партии — вечная каторга, в лучшем случае расстрел. Партия сохраняет себя, устраивая чистки, и подозрительные очень ревностно убираются.

Когда я перешла из пионеров в комсомол, я попала в настоящую школу. С 14-ти лет я уже знала мужчин. Не мужчину, а мужчин. Не только я, но и все 60 девочек -подростков в этой школе познали мужчин. Многие из нас делали аборты, некоторые имели детей, некоторые стали душевнобольными, несколько девочек умерло. Все мальчишки и инструкторы использовали нас. Жизнь протестующей была ужасной, некоторые умерли от болезней. И это была свобода. Там я встретила моего мужа. Мы знали друг друга уже несколько лет до того, как мы зарегистрировались. Прежде чем мы достигли совершеннолетия, мы уже стали стариками. От такой ужасной действительности мы, комсомолки, в 17 лет стали старухами. У меня уже было 3 аборта. Молодость пропала. Она украдена у нас партией, системой. Я сейчас не могу иметь детей, а я хочу иметь семью. Нет семьи, нет религии, нет и будущего. Кого я могла обвинить, если в комсомоле нас учили не следовать по буржуазным стопам, иметь широкий кругозор. Только теперь мы анализируем ту дьявольскую систему, но поздно. Верхи знают наши чувства и охраняют себя. Без охраны они не выходят и не выезжают.»

Её голова поникла ... Я медленно поднялся, взял свою куртку, надел, пожал её руку,

пожал очень нежно и пошел к себе на пароход. Я оставил гостеприимную хозяйку в два часа ночи, оставил эту красивую женщину, мертвую внутри.

Ночь была холодной, и я шел, медленно перебирая в уме «исповедь» молодой женщины, опустошенной и физически, и духовно ...

Утром я пошел в клуб. Она была там и холодно спросила, что я буду заказывать. Я надеялся на хороший завтрак, но она сказала, что можно получить только бутерброд. Несколько минут позже она принесла большой бутерброд, я хотел что-то сказать ей, но она приложила палец к своим губам, и я смолчал. В это время вошли две женщины и одна из них, (я не видел её ранее), обратилась ко мне по-русски «Доброе утро, как вы себя чувствуете?». Я поблагодарил, ответил, что чувствую себя хорошо, но откуда вы знаете, что я русский и говорю по-русски?

— «Новости быстро распространяются!» — рассмеялась она. Её зеленые глаза, странная улыбка и сказанные позднее слова «я буду следить за вами, чтобы вы не занимались здесь пропагандой», дали мне понять, насколько серьезно она несет свою службу.

Я съел свой бутерброд, поблагодарил, поднялся, попрощался и сказал, что зайду вечером.

По дороге мне встретились три мальчугана, которые попросили тянучку. К сожалению, я не взял ее с собой. Я попросил мальчишек подождать, пока я пойду в ближайшую лавку и куплю конфеты. Когда я вернулся, на месте никого уже не было. Но, оглянувшись, я заметил в тени дерева одного из малышей. Я отдал ему все, что смог купить в лавке и обещал в следующий раз принести ему тянучки.

Я вернулся на пароход и сказал капитану, что пойду в город, поищу зубного врача. Я нашел зубного врача, это была пожилая женщина. Она быстро поправила мой мост и рассказала кое что из своей жизни. Её, как и других, выгнали из собственного дома. Её медицинские инструменты поломали и выкинули. Она успела взять с собой пару «ножек» и решила уехать подальше на Север. Она поселилась в Архангельске. Несколько зубных медицинских инструментов, которые она спасла, дают ей

возможность кое-как существовать. Я заплатил названную сумму, поблагодарил её за прекрасную работу, попрощался и ушёл к себе.

Около парохода был К., он как раз приехал пригласить меня к себе на обед. Мне неудобно было ехать к нему с пустыми руками, и я обратился к капитану с просьбой помочь мне. Капитан распорядился дать мне пакет. В этом пакете были шоколадные конфеты, тянучки, банка орехов, консервы, бутылка вина и бутылка коньяка, какие-то журналы. Ими заинтересовалась жена г-на К., дети были в восторге от жвачки. Хозяйка дома расспрашивала меня о ценах в Америке. Она всё повторяла свою мысль о том, что цены на рекламируемых товарах в американских журналах стоят только для красоты и для обмана, как это делается в СССР. Пойдешь в магазин, а там нет ничего, и в Америке тоже никогда и ничего нет.

Она никак не верила мне, что в Америке, да и во всей Европе, человек может искать работу, может выбирать работу, и что безработный может получать пособие от правительства. Она так же, как и г-н К., все интересовалась, когда же состоится революция в Америке. Ведь в Америке голод и коммунисты скоро будут возглавлять правительство ...

Я ответил, что Вам не видать революции в Америке, как не видать народ, живущий на Луне. Сейчас Америка снабжает русский народ продуктами и вооружением, потому, что она имеет излишек. Все это — результат свободного желания производить для себя и видеть плоды своего труда. Например, я по своей воле записался работником на корабль. Меня взяли, мне дали работу, потому что я подошёл их требованиям. Если бы меня не приняли, я бы довольно быстро подыскал бы себе другую работу.

Я ещё раз спросил К., что за народ сидит за колючей проволокой за городом. К. смутился и сказал, что это враги народа и добавил, что это решение приняло правительство, а нас не спрашивают... Этот лагерь находится в ведении НКВД.

Я пожелал всем всего наилучшего. К. привёз меня к пароходу. Мы дружески пожали друг другу руки и ночью наш «Либерти» под конвоем отплыл в Америку, чтобы забрать следующий груз и снова отвезти его в Архангельск.

М.П. долго не прожил. По прибытию в Америку его «Либерти» взял новый груз и поплыл под конвоем в Италию. Там во время разгрузки он был убит фашистами. Всё вышесказанное напечатано по его запискам.